

Утро было довольно тёплым, почти что жарким. Тонкие лучи света просачивались сквозь прорехи между листьями любопытной формы, представляющими собой настоящую живую стену - зелёный заслон, служащий дверью в небольшую, вырубленную временем в скале берлогу, наполненную всем необходимым для комфортного сна и более-менее удобного обеда. Вернее - вообще всем, что Ойву удалось сохранить при падении и добыть за время пребывания здесь, то есть немногим, но достаточным для выживания.

Открыв глаза, механик в который раз с тех пор, как вышел из пещеры с золотым озером, удивился тому, насколько ярко светит солнце на такой большой глубине, хотя, по сути, это он просто всегда жил очень далеко от земли, а высота тут была самая что ни на есть "человеческая", как любил говорить Дедушка, рассказывая маленьким детям байки о давным-давно ушедших и обросших небылицами, древних временах, когда жители Дерева ещё ходили по земле...

Вспомнив о доме, Ойв с досадой поймал себя на мысли, что с удовольствием бы послушал сейчас одну из этих сказочных и, увы, за ненадобностью большей частью пропущенных мимо ушей историй, а не лежал чёрт знает где на сваленных в кучу пожелтевших еловых лапах в пригодной для жизни, но всё же сырой пещере и, шурясь на пробивающийся сквозь листву солнечный свет, испытывал наяву все ужасы и тяготы неутешительной действительности. Однако ему давно бы следовало запретить себе пессимистичные мысли - слишком уж он далеко забрался, чтобы поддаваться неприятным чувствам, хоть они и преследовали его постоянно. Не время было сдаваться: главное - сосредоточиться на основном деле, если уж с выживанием серьёзных вопросов пока не возникало, а дальше разбираться с проблемами по мере их поступления. Так было бы вернее всего.

Чувствуя себя вполне отдохнувшим и с удовольствием отметив, что больше не пугается по ночам хрюканья пасущихся неподалёку не то миниатюрных коров, не то карликов-верблюдов, парень поднялся с импровизированной кровати и, подхватив лёгкую самодельную сумку из крепкой кожи недавно найденного на дороге зверя, наскоро составил в голове маршрут, лишь мельком взглянув на старательно вычерченную карту с пометками всех своих ловушек и важных географических особенностей местности.

Желудок лёгким бурчанием напомнил, что было бы неплохо подкрепиться, хотя в последнее время он почему-то стал напоминать об этом чаще обычного, поэтому протяжные завывания в животе стали звуком почти столь же привычным, как ночной стрёкот светящейся в темноте розовой саранчи, и не привлекал особого внимания до тех пор, пока Ойва не начинало сгибать пополам от боли.

"Так и до язвы недалеко", - всякий раз думал механик, в предвкушении разделявая очередную свежепойманную тушку диковинного зверька, чтобы поскорей насытиться.

И всякий раз что-то внутри отвечало ему с некоторым сарказмом: "Ты сам себе язва, парень".

И он не мог не согласиться.

Выйдя из своего временного жилища, Ойв с наслаждением вдохнул полной грудью чужой и до одури свежий воздух, какой не могли симитировать даже искусно созданные механизмы на Дереве, призванные беречь жителей от более разреженной атмосферы верхних слоёв, и окинул долгим взглядом потрясающий пейзаж вокруг: тёмные громады неровных гор, кольцом обнимающие долину, сплошь заросшую странным, будто осенним или болезненным и одновременно прекрасным лесом, среди которого виднелось множество невиданных ранее, а также вполне знакомых звериных следов...

Уже неделю механик смотрел на всё это и не мог насмотреться - до того здесь было хорошо. Возможно, он бы поразмыслил над возможностью когда-нибудь вернуться сюда, чтобы навсегда остаться, если бы тут не нужно было постоянно соблюдать крайнюю осторожность, ведь на каждом шагу, за каждым деревом его поджидала новая опасность. Нельзя было поддаваться пьянящему очарованию природы, как бы этого ни хотелось. По крайней мере не сейчас.

Ойв покрепче перехватил в руке оружие: лично им собранную пару стыкующихся между собой клинков, составленных из наскоро склеенных остатками клея костей павших от руки новоявленного охотника животных, и крепкую верёвку с приложенными к концам увесистыми камнями для обездвиживания пытающейся удрать дичи. Всё же, как бы ни были хороши ножи и прочие умудрившиеся уцелеть приспособления, против крупной добычи нужно было придумать что-то получше, и новое оружие до сих пор неплохо справлялось со своей функцией.

Отправляясь на очередную вылазку по проверке расставленных заранее капканов, буквально собранных чуть ли не из грязи и палок за неимением большого количества подходящих материалов, механик, по обыкновению, решил позволить своему разуму до отказа заполниться мыслями, чего особо не позволял себе в борьбе за выживание в этом лесу, но сейчас, в тихой и спокойной на первый взгляд обстановке, это было необходимо - отдых мозга и тела должен чередоваться, и пока ноги сами несли его по заученной дороге, голова обязана была работать.

Но среди продумывания своего распорядка дня и анализа перспективы в недалёком будущем перебраться в какое-нибудь другое жилище, чтобы не засиживаться на одном месте и нечаянно не стать добычей какого-нибудь замысловатого хищника, всё чаще и чаще мелькала навязчивая мысль о маленьком мальчике, в одиночку отправившемся в далёкое путешествие по этому неизведанному и полному опасностей миру...

"Эх, Коя, Коя... только не сдохни, пока я тебя не нашёл", - злился Ойв, прекрасно понимая, что этот недотёпа может выжить в такой враждебной среде только чудом, даже несмотря на то, что у него остались все инструменты и припасы механика, помещавшиеся в той части разборного рюкзака, где помимо прочего в специальном отсеке ранее находились крылья и ручка планёра.

Всё остальное, к сожалению, осталось с основной массой на самом верху мира и ничем не могло быть им полезно. Как и Ойв Кое.

Механик всегда считал своей лучшей чертой хладнокровность и предельную собранность в критических ситуациях, и благодаря им, а ещё своей наблюдательности и уму (к слову, скромность он никогда не почитал за важную черту), сумел определить, что планёр улетел приблизительно куда-то на запад. Точнее сказать он не мог ничего.

И помочь Кое сейчас тоже был не в силах. Поэтому злился.

Но была одна вещь, которая занимала Ойва сильнее, чем благополучие мальчишки, и заставляла его чувствовать серьёзную неправильность в расстановке приоритетов, но понять это тоже было важно: природу загадочного быстрого восстановления после нападения аморфной твари. Определённо, само по себе человеческое тело не может полностью восстановиться в такие короткие сроки, тем более на коже должны были остаться какие-нибудь шрамы и отметины, которые бы тоже не прошли за считанные часы буквально у него на глазах, а значит нужно было найти этому какое-то логичное объяснение.

Во-первых, у Ойва были подозрения насчёт жидкости, в которой он чуть не захлебнулся после

своего удачного побега и которая, быть может, обладала какими-то невероятными свойствами, например, повышала регенерацию, но в нынешних условиях у него не выдавалось никакой возможности проверить это наверняка - он не обладал нужными знаниями по химии и необходимыми для анализа приспособлениями, тем более не горел желанием вновь посещать ту пещеру.

Во-вторых, можно было бы не мучиться догадками и списать всё на выносливость натренированного работой в мастерской организма, но это выглядело слишком неубедительно.

Третьей предположение, будто тело само в критический момент активировало тот самый "неприкосновенный, данный в долг запас энергии", о котором так много толковал один залётный на их ветку молодой учёный, казалось ещё более абсурдным.

Также существовала и вероятность того, что Ойв всё же умер и теперь его угасающее сознание со скоростью света проигрывает сценарий того, как бы он жил, не случись с ним необратимое, и на фоне всего остального он был готов поверить именно этой версии, тем более о подобном когда-то рассказывал живший по соседству странноватый старик, а вложенные в голову его красноречием мысли сложно было потом отрицать...

Вдруг среди прочих мыслей в голове пронёсся бессмысленный набор каких-то слов, совершенно не связанных друг с другом, но Ойв не обратил на это особого внимания: в последнее время такое с ним случалось довольно часто, возможно, из-за какого-нибудь повреждения мозга, и вполне вероятно, что совсем скоро он рисковал вовсе сойти с ума, что лишь укрепляло в нём уверенность - нужно как можно скорее найти Кою и выбраться из этого места, пока эта возможность окончательно не растаяла в болезни и апатии.

Но сперва он проверит ловушки. И поест. Да, ему, определённо, следовало для начала поесть. Никак иначе.

Отыскав среди деревьев свой первый импровизированный капкан, Ойв был рад обнаружить в нём тушку зверя, за эту неделю успевшего полюбиться механику благодаря сочному и нежному мясу, которого, главное, было довольно много. Существо это не превышало размерами стандартного лесного кабана и в принципе было на него очень похоже, но в свои последние минуты вело себя крайне агрессивно, зато быстро сдавалось и позволяло беспрепятственно себя добить, если, конечно, не раззадоривалось нанесением противнику какого-нибудь увечья. Именно для таких случаев парень и придумал своё костяное копье, разделяющееся на два довольно острых клинка, и оно превосходно справлялось со своей ролью, а там, где не справлялось и Ойв получал ранение, срабатывала его новая чудесная способность к исцелению.

От ещё тёплого мяса исходил будоражающий запах свежей крови, испачкавшей прутья капкана и разлившейся вокруг тёмной густоватой лужицей. Зверь явно не так давно испустил свой последний вздох, и неясное, пугающее чувство разочарования от невозможности самостоятельно прекратить его мучения лишь на мгновение промелькнуло в сознании, прежде чем механиком завладело всепоглощающее предвкушение славного обеда - скорее всего не единственного на сегодня, если всё пойдёт и дальше столь же удачно.

Но следующие ловушки не принесли желаемых результатов, преподнося охотнику либо мелких зверьков, из которых нельзя было даже сделать шапку на случай похолодания, либо оказываясь вовсе пустыми, если не сломанными.

Погружённый в свои мысли, Ойв за несколько часов незаметно протопал, по ощущениям,

около десятка километров, на деле, на порядок меньше и, наконец, добравшись до отмеченного на карте места последней ловушки, перебравшись через небольшой ручеёк и заросли кустарника, неосторожно запачкавшегося каплями ещё стекающей с кабана крови ("Плохо, так хищнику тебя легко будет найти"), механик не обнаружил ровным счётом ничего, кроме разворошённой кучи листьев и травы, где должен был стоять капкан.

"Странно, - подумал Ойв, осматривая место преступления, - эта ловушка была достаточно тяжёлая и прочная, чтобы зверь не мог утащить её за собой. Да и если бы кто-то пытался из неё выбраться, наверняка здесь остались бы следы, а значит..."

Сзади послышались шорохи раздвигаемой листвы, и, не теряя времени, механик спрятался за дерево, но было уже поздно. Преследователь его заметил.

<http://tl.rulate.ru/book/62976/1716159>